

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ УТОПИЯ: ИДЕИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА-ОРГАНИЗМА

© 2017

В.М. Хачатурян

Научные и “вненаучные” проекты будущего

Транзитивная эпоха с ее быстрыми и фундаментальными изменениями во всех сферах жизни всегда требует новых “больших” идей и социальных проектов, новых идеально-типических моделей будущего. Не составляет исключения и нынешняя эпоха глобализации и информационной революции. Однако, как справедливо отмечает А.А. Гусейнов, наука и сегодня мыслит по преимуществу инерционно. И проекты “дивного нового мира” представляют собой по большей части лишь экстенсивное, до планетарных масштабов, продолжение действующих ныне или наблюдавшихся ранее тенденций, не предполагающее качественного изменения социальных отношений и институтов. Несмотря на внешнее разнообразие, все их можно объединить в две основные группы.

В оптимистических сценариях многополярного “сетевого” мира или глобального гражданского общества предлагается улучшенный вариант современности: интеграция и культурная гибридизация удачно сочетаются там с сохранением культурного своеобразия и относительной автономностью и самодостаточностью обществ; преодолеваются кризисные явления; совершенствуются механизмы демократии. Толерантность, установка на диалоговые отношения, глобальное сознание, формирующееся за счет причастности каждого к глобальным институтам признаются главными отличительными чертами общества нового типа.

Пессимистические сценарии-антиутопии рисуют картину унифицированного на основе западных ценностей униполярного глобального общества (Ф. Фукуяма); мира, в котором побеждают тенденции к сепаратизму или “фрагмерации” (термин, обозначающий противоречивые процессы раскола на одних уровнях и интеграции на других), к образованию крупных региональных военно-политических и экономических цивилизационных блоков, остро конкурирующих за ресурсы и сферы влияния; тоталитарного мира, разделенного на глобальный “центр” и глобальную “периферию” (И. Валлерстайн), жестко управляемого глобальным правительством и глобальной эли-

**МЕРА ВСЕХ
НАУК**

**Хачатурян
Валерия
Марленовна** —
доктор культурологи.
Постоянный
автор журнала.
E-mail:
lerademoped@
gmail.com

той; наконец, мира, регрессирующего к доцивилизационному состоянию в результате экологической катастрофы, войн и т.д.

Прошлое и настоящее явно определяют представления о будущем, и все “академические” сценарии объединяет один общий недостаток: отсутствие философско-исторической глубины и “смысложизненной перспективы”, оригинальных новаторских идей. Все они “нацеленные на будущее, никакого будущего в серьезном смысле не предлагают”, так как видят в нем “простую, быть может, слегка подчищенную пролонгацию настоящего” [1, с. 39–40].

В этой ситуации полезно обратить внимание на те теории, что возникают далеко за пределами академической науки, на “периферии” — благо та в последнее время заметно активизировалась. Различные формы вненаучного знания вообще занимают немалое место в пространстве современной культуры. К ним можно отнести и квазинаучные (что не обязательно означает “псевдонаучные”) теории, для которых характерны чрезмерно вольные или упрощенные интерпретации научных данных; и “маргинальные” гипотезы, противоречащие общепринятым научным стандартам; и теории, возникающие в рамках эзотерических, оккультно-мистических учений, но использующие арсенал научных идей, а отчасти и аппарат науки. Такого рода конструкции часто бывают весьма притягательны для массового сознания, какой бы аргументированной критике ни подвергали их ученые.

Впрочем, не стоит забывать, что многие концепции, ныне представляющиеся бесспорными, зародились именно в зоне “культурного пограничья”, где, согласно Ю.М. Лотману, скапливаются разнообразные диссистемные и внесистемные элементы, воспринимающиеся поначалу как нечто чуждое, инородное или малозначимое. Однако впоследствии какие-то из них (хотя и далеко не все!) могут перемещаться в “центр”, во многом утрачивая свою инаковость и маргинальность и, вместе с тем, преобразуя культурный “мейнстрим” в сложном процессе их взаимной адаптации [6, с. 260, 272].

Преимущество “периферии” перед нормативным упорядоченным “центром” — в ее ориентированности на “иное”. И особенно продуктивным это качество оказывается в переходные эпохи. Тогда “периферия” оказывается самой “горячей”, турбулентной зоной, а происходящие в ней трансформации могут отражать глубинные сдвиги в культурном пространстве, намечающийся отход от доминирующей культурной парадигмы. В этом случае “иное” становится источником или стимулом для продуктивных инноваций, для рождения новых культурных смыслов и ценностей.

Что же предлагает нам современная “периферия”, в которую входит и сфера вненаучного знания? Способна ли она работать действительно новаторские проекты будущего общества или, по крайней мере, дать идеи, которые со временем су-

меют пересечь подвижную и проницаемую границу, отделяющую их от “центра”, и закрепиться в культурной системе?

Обратимся сначала к движению Нью Эйдж. Оно занимает наиболее значимое место в современной зоне вненауки: обращение к теософии, религиозно-философской мысли Востока, магии и оккультно-мистическим учениям всех времен и народов сочетается в нем с не меньшим интересом к достижениям науки — от квантовой физики, синергетики и глобального эволюционизма до трансперсональной психологии и нейрофизиологии и с попытками объединить этот разнородный материал в единое универсальное знание, создать новое видение мира, “включающее и науку, и спиритуальность” [16, с. 8,12]

Для нас здесь важно, что Нью Эйдж в самих своих установках ориентировано именно на будущее — на “новую Эру” (Эру Водолея). И при всем разнообразии мнений, циркулирующих — иначе не скажешь — в кругах этого в высшей степени инклюзивного и гетерогенного движения, объединяет его представителей вера в то, что человечество находится на пороге глобальных перемен, в точке бифуркации, за которой следует “квантовый скачок” — переход на более высокий уровень эволюции. Но, несмотря на столь ярко выраженную футурологическую составляющую, концепции Нью Эйдж, при всей их внешней экзотичности, далеко не всегда могут похвастать инновационностью и оригинальностью.

Как отмечал известный исследователь В. Хейнграаф, их отличают достаточно аргументированная критика западного общества и культуры, острое ощущение глобального системного кризиса, чреватого катастрофой, и четкое осознание необходимости перемен. Что же касается Новой Эры, чье наступление выглядит событием скорее религиозно-спиритуальным, нежели социально-политическим, — она описывается весьма неопределенно [20, с. 334]. Большинство авторов развивают, главным образом, те положения, которые еще в 1980 г. сформулировала М. Фергюсон в своем бестселлере “Заговор Водолея”, ставшим программным произведением Нью Эйдж. Будущее рисуется в этом манифесте как грядущее тысячелетнее царство любви и света, освобождения умов, духовного роста, реализации “вселенской взаимосвязи” и становления глобального общества — сильно интегрированного, но с неиерархической полицентричной сетевой структурой [17, р. 19] — этот образ остается практически неизменным. Сам же процесс перехода к Новой Эре предстает в двух версиях: главная роль отводится или “революции сознания”, которая автоматически повлечет за собой перестройку всего общества, или вмешательству неких высших сил, незримо руководящих эволюцией.

В последние годы в ответ на критику некоторые представители Нью Эйдж попытались усилить и более тщательно проработать социально-политический аспект своих концепций. Однако результат не слишком впечатляет. Весьма показательна

в этом отношении книга Д. Кортена “Великий поворот: от Империи к Сообществу Земли” (2006). Мы видим вполне традиционный образ глобального гражданского общества со всеми его характеристиками (плюрализм, толерантность, демократия, экологическое благополучие). Принадлежность автора к Нью Эйдж выдают лишь некоторые особенности: например, ставка делается не на глобальные институты управления, а на процессы самоорганизации общества и управление “снизу”, связанное с диффузией и ситуативностью власти; важнейшая роль отводится пробуждению духовности и накоплению “критической массы”, необходимой для изменения баланса сил и запуска механизмов трансформации общества [24, р. 316–318].

Таким образом, принадлежность к “пограничью” сама по себе еще не гарантирует инновационности: стартовый творческий потенциал “проектов из пограничья” явно недостаточен для того, чтобы они могли хотя бы дать импульс к формированию более серьезных теорий.

Идея человечества-суперорганизма: от мистики к “кибернетической философии”

На фоне описанных выше проектов гораздо более перспективной выглядит уходящая корнями в глубокую древность идея глобального общества как суперорганизма, соединяющего в одно целое миллиарды “клеток”-индивидов. По крайней мере, в данном случае мы имеем дело с проектом принципиально “иного” общества, абсолютно не похожего на все реализованные в истории варианты: уровень интеграции, которого оно достигает, далеко выходит за пределы обычных представлений. К тому же в наши дни идея человечества-суперорганизма заняла весьма своеобразное место на стыке науки и “вненауки”, спорадически проникая в научный дискурс и имея, соответственно, множество вариаций. Такое особое, промежуточное положение во многом объясняется самой историей ее существования в европейской культуре.

Долгое время идея человечества-организма оставалась по преимуществу достоянием эзотериков, теософов (Е. Блаватская), религиозных мистиков, в числе которых были такие известные философы, как Кнорр фон Розенрот, Ф. ван Гельмонт, В. Соловьев, Н. Бердяев, П. Флоренский, П. Тейяр де Шарден и др. Органическая целостность человечества понималась как мистическое единство душ, разъединенных в мирской жизни, но незримо остающихся элементами распавшейся общечеловеческой души — каббалистического Адама Кадмон, которого европейские мыслители отождествляли с Христом, Мировой Душой, Софией и т.д. Мистика, как правило, соседствовала с социальной утопией всеобщего согласия, мира и братства, преодоления политических и межконфессиональных конфликтов. Поэтому не случайно, что идея человечества-организма

нашла отражение и в социологии: она явилась вершиной “позитивной философии” ее основоположника О. Конта, не утратив при этом мистического оттенка, что до сих пор приводит исследователей в некоторое смущение.

Тенденция к мистической интерпретации идеи человечества-организма достигла кульминации в середине XX в. в творчестве П. Тейяра де Шардена. Автор “Феномена человека”, нарисовав грандиозную апокалиптическую картину гибели исчерпавшей свои ресурсы планеты, предрекал рост и совершенствование коллективного сознания. Оно достигнет планетарных масштабов, поглотит и одухотворит материю, а затем совершит переход в новое состояние “сверхжизни” — слияния с Богом, или “Точкой Омега” [13, с. 295].

Вместе с тем в концепции Тейяра был намечен очень важный аспект, позволявший совмещать мистику с наукой или, во всяком случае, подкреплять ее научными данными. Процесс единения миллиардов “крупинки мысли” и превращения их в “органическую суперагрегацию душ”, в “гармонизированную общность сознаний, эквивалентную своего рода сверхсознанию” он объяснял логикой эволюции Вселенной, универсальным законом интеграции, который побуждает химические элементы соединяться в молекулы, а клетки — в организмы, побуждая тенденцию к дифференциации. Точно так же в истории человечества, по его словам, дивергенция сохранялась до некоторой степени на протяжении большей части истории, а потом стала уступать место конвергенции, “при которой расы, народы и нации консолидируются и совершенствуются путем взаимооплодотворения” [13, с. 254, 258, 249].

Предчувствуя усиление этого процесса, именуемого ныне глобализацией, Тейяр де Шарден сумел выявить главную его особенность — глобальную взаимозависимость: “все части человечества проникают друг в друга и только так могут расти и развиваться” [13, с. 249]. Еще один весьма примечательный момент позволяет современным “киберфилософам” провозглашать Тейяра де Шардена провозвестником эры электронного разума и “пришествия Интернета”. Философ полагал, что усложняющиеся технологии выполняют все более важную роль в истории и все более заметно влияют на весь ее ход. Однако техническим средствам, позволяющим быстро распространять информацию и преодолевать огромные расстояния, в его концепции все-таки выполняют лишь служебную функцию “кровеносных сосудов” суперорганизма. Главной цементирующей силой является “энергия любви”, освобождающая человечество от эгоцентризма и приближающая к ее источнику — “Точке Омега”.

Теория Тейяра де Шардена, завершив “мистический” этап в развитии идеи человечества-организма, открыла новый период, когда многие его положения были отчасти усвоены, но подверглись кардинальной трансформации. Теперь ведущие позиции заняла так называемая “киберфилософия”. Импульс для “смены

вех”, безусловно, задала информационная революция, заставлявшая переосмыслить роль информационных технологий в истории человечества в целом. Здесь трудно переоценить вклад и влияние канадского культуролога М. Маклюэна, выдвинувшего идею о решающем воздействии информационных технологий на особенности развития культуры, общества и человека. На этом положении базируется его широко известная оценка современности: эра Интернета, считал он, создает основу для сплочения человечества, ибо делает людей соучастниками событий, происходящих в любой точке мира, и соединяет изолированные части мирового пространства в одну большую “глобальную деревню”.

Человек, “подключенный” к электронной сети, способен, по мнению автора “Галактики Гутенберга” (1962), вместить в себя все человечество, все пространство и все времена. Но главное, “электронная галактика” (в отличие от предыдущей, ориентирующей на индивидуальное получение знаний и индивидуальное развитие) возвращает человечество в состояние всеобщей взаимовключенности, наводящей на аналогии с первобытностью [7, с. 71, 69]. М. Маклюэн еще не использовал понятие “глобальный мозг”, которому предстояло вскоре стать ключевым в интерпретации темы человечества-организма, однако электронную сеть он, как и его последователи, рассматривал в качестве будущей нервной системы человечества, которая экстериоризирующей центральную нервную систему индивида в глобальное окружение и объединяет человечество в единое “тело” [26].

В разработке темы гипермозга приняли участие такие авторитетные ученые, как В.Ф. Турчин, П. Леви, П. Рассел, Н.Н. Моисеев, Б. Герцел, Дж. Майер-Кресс, Ф. Хейлиген и др. Был создан “Проект Глобальное сознание”, в рамках которого с 1998 года в США стали проводиться эксперименты. Их цель — выявить корреляцию между случайными данными, появляющимися в компьютерных сетях, которая должна отражать присутствие глобального сознания [19]. В 2012 г. в Брюссельском университете был основан Институт глобального мозга, который возглавил Ф. Хейлиген. Определяя глобальный мозг как распределенный интеллект, возникающий в Интернете, Институт поставил задачу построить общую теорию глобального мозга как основы будущего общества, выявить динамику его развития и определить, какие именно изменения в обществе влияют на его эволюцию [18].

При всем разнообразии концепций, в изобилии появлявшихся в 70-90-е годы прошлого столетия, в них прослеживается нечто общее. Везде речь идет о качественно новой форме интеллекта, о совмещении интеллекта людей, машин и компьютерных сетей в одно целое, чьи возможности значительно превышают потенциал составляющих его компонентов. Мистика здесь подменяется “кибернетическим техницизмом”, который, впрочем, тоже может приобретать своеобразный технологически-мистический характер. Однако в любом случае

именно компьютерным технологиям отводится решающая роль в процессе объединения человечества.

Так, Пьер Леви полагал, что компьютерные сети, виртуальная среда, мультимедиа не просто расширяют индивидуальное сознание и способности, но и создают коллективный разум, формирующий новую окружающую среду, новое пространство знания, понимания и интеллектуальной власти. И в этой среде будут бурно расти и мутировать “новые качества бытия и новые пути моделирования общества”, а также, что самое примечательное, новые формы социальности. Цифровые технологии оказываются едва ли не главным средством совершенствования общества: они позволят подняться и над консьюмеризмом, и над политическим местничеством, развить подлинную демократию и трансперсональные возможности человека, ибо информационное пространство возродит духовное воображение и интерес к метафизике [25, р. 105, XXV]. С П. Леви солидарен один из основателей журнала “Wired” Л. Россетто, убежденный, что компьютеры помогут развиваться “глобальному сознанию, сформированному из дискуссий, переговоров и чувств, общих для индивидов, соединенных в сети” [2, с. 415].

Под влияние “кибернетического техницизма” в какой-то мере попал и выдающийся отечественный ученый Н.Н. Моисеев, который выдвинул свою концепцию Коллективного (мирового) Интеллекта (Разума). Коллективный Разум возникает почти одновременно с индивидуальным и развивается по мере развития человека и общества — в процессе совместной деятельности, накопления знаний и опыта, роста коллективной памяти и потребности в принятии коллективных решений. В наши дни, с точки зрения Н.Н. Моисеева, Коллективный Разум, эволюционирующий гораздо быстрее индивидуального, уже становится — благодаря искусственному интеллекту — реальной силой, управляющей действиями людей, и в ближайшее время сумеет предпринять меры для преодоления глобального кризиса и перехода общества в состояние гомеостаза.

Но каким же образом достигается согласованность мнений и обеспечивается целесообразность принимаемых решений? Ответ весьма характерен: “Коллективный Интеллект — это система, объединяющая людей информационными связями, благодаря которой им становятся доступными общие знания, общее понимание ситуации. В результате неизбежно (курсив наш — В.Х.) возникает единое видение происходящего как основа для общих решений и действий” [8]. Здесь обращает на себя внимание слово “неизбежно”: получается, что информационные связи и сам процесс обмена мыслями и знаниями — вполне достаточное условие для преодоления противоречий и реализации общей стратегии поведения человечества. Взгляд, вполне достойный эпохи Просвещения или романа “Что делать”: все разногласия и конфликты — от недоразумений, взаимного непонимания, неин-

формированности и недостаточного осознания интересов, а не от их объективной противоречивости.

Сами же “киберфилософы” столь высокую оценку роли информационных технологий обычно объясняют тем, что “всемирная паутина” становится не только все более глобальной, но и все теснее связанной с индивидами и группами, ее использующими, все активнее влияет на различные аспекты их жизни и, наконец, постоянно наращивает свои знания и интеллект. Эта сложная разумная самоорганизующаяся система способна давать рекомендации, генерировать новые идеи, приспосабливаться к новым ситуациям и даже решать глобальные проблемы, которые невозможно устранить традиционными способами [21, p. 274].

Механизм этих процессов уже давно принято сравнивать с работой человеческого мозга. Возникающие проблемы служат своего рода импульсами, вызовами, которые стимулируют глобальный мозг к действию. Те или иные индивиды хотя и не в состоянии решить проблемы своими силами, оставляют “след” в сети и передают “вызов” дальше. В итоге множество независимых друг от друга акций сливаются в единый когерентный поток, в котором принимает участие и искусственный интеллект. Чем больше таких акций накапливается в сети, тем совершеннее, по мнению киберфилософа, их результаты. Излюбленным примером является Википедия — электронная энциклопедия, которая создается, расширяется и корректируется коллективными усилиями миллионов пользователей [ibid, p. 285].

Увы, все подобные аргументы вступают в явное противоречие с действительным положением вещей. Несмотря на появление новых социальных групп (виртуальных сетевых сообществ), новых форм сотрудничества и принятия решений, новых видов демократических процедур, новых образовательных практик и т.д., никаких признаков перехода на иной уровень социальной интеграции не видно. “Тотальный”, “гедонистический” индивидуализм [5, с. 77] — одна из самых болезненных проблем нашего времени — никуда не исчезает и даже усиливается вместе с ростом конфликтности в планетарных масштабах.

Нарастающие потоки информации не повышают интенсивности “соучастия”. Напротив, многие исследователи отмечают, что сопереживание и сочувствие трагедиям, о которых сообщают СМИ, чаще всего весьма поверхностны и скоропреходящи. Обилие негативных сведений нередко порождает нечто обратное: внутреннее отторжение, стремление изолироваться от внешних раздражителей и создать собственное комфортное информационное пространство. Иными словами, современный информационный мир диаметрально противоположен идеально-типической модели человечества-суперорганизма с ее высочайшей степенью интеграции и солидарности. Остается лишь согласиться с Э. Дэвисом, автором бестселлера “Техногнозис”, который, комментируя концепции киберфилософов, отмечал, что глобальная сеть — не более чем механичес-

кий инструмент: его можно использовать в разных целях и сам по себе он, конечно, не способен привести к “резонансу умов”, побудить людей “выйти за пределы их замкнутых мировоззрений ... или смягчить их страх и ненависть” [2, с. 449]. Характерно, что Р. Нельсон, руководитель “Проекта Глобальное сознание”, о котором мы уже упоминали, признается, что не видит пока признаков реального пробуждения такого сознания: можно заметить лишь некоторые его “проблески” [10].

В такой интерпретации идея человечества-организма по-прежнему остается лишь метафорой или неомифом, что признают не только критики со стороны, но и сами киберфилософы: шансы на то, что современное разьединенное общество перерастет в некую органическую целостность, весьма невелики.

Разумеется, в рамках киберфилософии предпринимаются попытки выйти за пределы метафоры и создать полноценную научную теорию. С точки зрения Ф. Хейлигена, наиболее перспективным в этом плане может стать совмещение различных подходов к феномену глобального мозга (глобальный мозг как социальный организм; как универсальная система знаний, как своего рода мировая коллективная память; как новый эмерджентный уровень сознания) с “кибернетическим эволюционизмом”, с идеей “прогрессивной эволюции”, ведущей к появлению все более высоких уровней сложности и интеграции, росту интеллекта и его значимости в эволюционном процессе.

Происходит определенное смещение акцентов: ведущую роль в зарождении суперорганизма играет уже не информационная революция как таковая, а логика и направленность глобальной эволюции. Отсюда — интерес к “большим” (или метасистемным, по терминологии В.Ф. Турчина) переходам, которые завершаются эмерджентным возникновением, например, многоклеточных организмов из одноклеточных или общества из индивидов и групп, а также к тем специфическим обстоятельствам, в которых эгоистические, соперничающие индивиды становятся кооперирующими членами организма или коллектива [21, р. 275].

Такое представление об эволюции в известной мере продолжает традицию Тейяра де Шардена, однако опирается на гораздо более солидную теоретическую базу: неозволюционизм и глобальный эволюционизм, эволюционную биологию и эволюционную эпистемологию, теорию аутопоэзиса У. Матурано и Ф. Варелы и, разумеется, на саму кибернетику, которая изучает уровни организации в сложных “живых” системах, уделяя внимание прежде всего коммуникации, знаниям и механизмам контроля.

Хотелось бы заметить, что В.Ф. Турчин, которого считают основоположником “кибернетического эволюционизма”, был весьма острожен в выводах и прогнозах по поводу следующего этапа истории человечества. Он, действительно, отмечал, что уже сейчас человечество представляет собой весьма сильно ин-

тегрированную систему и именно в дальнейшей интеграции состоит сущность очередного метасистемного перехода и нового уровня организации материи. И вместе с тем ставил вопрос: как далеко она пойдет и какие формы примет? Избегая давать однозначные ответы, ученый предполагал, что в будущем станет возможным “прямой обмен информацией между нервными системами людей”, их “физическая интеграция”, которая, очевидно, должна сопровождаться созданием какой-то высшей и внешней по отношению к индивиду системы управления единой нервной сетью, или же возникнут качественно новые формы сознания, “слияние душ отдельных людей в единой Высшей Душе”. Вторая перспектива представлялась более вероятной и привлекательной, но все-таки оставалась не более чем гипотезой [12]. Современные киберфилософы, как правило, занимают более радикальную позицию. В частности, Дж. де Росней, известный специалист в области теории систем, полностью уверен, что эволюция рекурсивно порождает новые уровни сложности вплоть до планетарного мозга для “кибионта” — глобального кибернетического организма [27].

Однако прочных оснований для такой уверенности все-таки не слишком много. Даже если делать ставку на целенаправленность эволюционного процесса и эмерджентность, — все равно неизбежность столь кардинального перелома траектории в истории человечества вызывает сомнения: ведь до сих пор центробежные и центростремительные силы всегда действовали совместно или в маятниковом режиме. Прежде всего, остается непонятным, за счет чего должно совершиться превращение человечества в суперорганизм. Эмерджентность, нарушающая плавную преемственность развития, всегда имеет некие предпосылки для “революционных прорывов”.

Кроме того, даже в эволюции природы, переходы на более высокий уровень интеграции — весьма редкое явление. Существование суперорганизма требует изощренных механизмов контроля над так называемыми “халявщиками”, жесткой иерархической структуры и столь же жесткого распределения функций между “индивидами”, будь то клетки в организме или пчелы в улье. Особые сложности, естественно, возникают, когда речь идет о людях, ибо они, как признает Ф. Хейлиген, “генетически амбивалентны” и постоянно колеблются между альтруизмом и эгоизмом, стремлением к солидарности и соревновательностью. Таким образом, на пути к высокому уровню интеграции в данном случае имеются фундаментальные препятствия [21, р. 282]. Пытаясь решить эту проблему, Ф. Хейлиген акцентирует внимание на способах контроля над “халявщиками”. Используя известную теорию Р. Бойда и П. Ричерсона [15] о “давлении конформизма” (большинство влияет на поведение менее кооперативного меньшинства, вынуждая его принять общие правила поведения и моральные нормы) и закон групповой селекции (наиболее сплоченные группы имеют

огромные преимущества по сравнению с группами с меньшей степенью солидарности), он совместно со специалистом в области социальной эволюции Д. Кэмпбеллом [23] разработал собственную концепцию. Здесь внимание акцентируется на том, что, помимо обычных способов поддержания солидарности в обществе, имеются и другие, не столь очевидные: так, знания, накопленные в сети, сами по себе могут выполнять контролирующие функции. В отличие от материальных ресурсов, знания и информация не уменьшаются, сколько бы людей ими ни пользовались. Благодаря этому в “глобальной паутине”, превратившейся в “разумную самоорганизующуюся систему общих знаний”, возможны результативные интеракции, где каждый выигрывает, делясь своими индивидуальными знаниями и опытом с другими. И это обеспечит дальнейший рост интеграции. Причем без ограничения разнообразия, свободы и инициативности индивида. Универсальные стандарты, разумеется, сохранятся, однако станут, по мнению Ф. Хейлигена, гораздо менее стеснительными, чем нынешние, за счет гибкости и эффективности глобального мозга [22].

“Возвращение” каббалы: проект интегрального общества

Следующий шаг в сближении идеи человечества-суперорганизма и науки сделал М. Лайтман — один из ведущих современных каббалистов, который начал разрабатывать концепцию интегрального общества. В ней нашли отражение важнейшие, ключевые аспекты каббалы: разбиение духовной конструкции Адам Ришон — общей, коллективной души человечества; понимание эволюции как процесса противоборства двух универсальных сил: “альтруизма” (отдачи) и “эгоизма” (получения); идея “исправления” — уподобление творения Творцу путем приобретения главного его качества — отдачи.

Однако преобразованная, переведенная в научный дискурс каббала на этот раз послужила основой не для очередных мистических спекуляций, а для построения идеально-типической модели нового общества. И в этой модели внимание сосредоточено как раз на вопросах, не получивших должного освещения в “киберфилософии”: что именно явится силой, подталкивающей к интеграции и поддерживающей ее? Чем интеграция нового типа будет отличаться от интеграции в любом другом обществе, поскольку для существования любого общества необходим, по крайней мере, некий “минимум солидарности”? Какие трансформации произойдут в человеке и в социальных взаимодействиях?

Собственно, описываемое в модели интегральное общество не является в точном смысле этого слова суперорганизмом, хотя и максимально к нему приближено. М. Лайтман, биокибернетик по образованию, определяет его как общество, сходное со сложными гетерогенными природными аналоговыми систе-

мами — системами с обратной связью, в которых высокий уровень внутреннего разнообразия сочетается со столь же высоким уровнем взаимной согласованности множества элементов (подсистем). При этом каждый элемент, сохраняя свою индивидуальность, работает на себя, выполняя собственные “эгоистические” программы, но при этом действует в интересах целого; иными словами, индивидуальные программы встроены в общую — каждая по-своему и в той степени, в какой это возможно и необходимо [3, с. 119–120].

Условия и возможности для перехода к такому обществу, с точки зрения М. Лайтмана, вполне сформировались и выявлены в глобалистике: современный мир, безусловно, не является единым, однако он, несомненно, все больше приобретает черты *системы*, в которой каждый компонент (страны, нации, корпорации, индивиды и т.д.), независимо от своего желания, включен в глобальное целое и вынужден в той или иной мере этому целому подчиняться, утрачивая отчасти автономность. Зарождающаяся системность проявляется, в первую очередь, в виде глобальной взаимозависимости, в результате чего действия какого-либо одного элемента могут оказывать сильное и часто непредсказуемое воздействие на другие элементы, казалось бы, никак от него не зависящие и с ним не связанные. Иными словами, каждое действие вливается “во вселенную взаимодействий” (Э. Морен) и может приводить к неожиданным и нежелательным последствиям. Именно поэтому самостоятельность элементов в “живых” системах сохраняется лишь до известных пределов — пока их развитие не препятствует развитию остальных; с другой стороны, нарушение нормального функционирования одной или нескольких подсистем может привести к дисбалансу, затрагивающему всю систему.

Эти законы, полагает М. Лайтман, человечеству предстоит испытать на собственном опыте. Прессинг глобальной взаимозависимости еще не достиг кульминационной точки: он пока проявляется не постоянно, с разной интенсивностью в разных регионах мира и в разных сферах социальной жизни. Тем не менее, уже сейчас она ощущается достаточно остро и болезненно в ситуации роста индивидуализма и всеобщей отчужденности. В ближайшее время эта тенденция усилится, “обратные кольцевые связи” (Г. Бейтсон) будут все более четко проявляться и на уровне мировой экономики и политики, и на уровне индивидуальных интеракций — в сопровождении хорошо известных эффектов “бумеранга” и “бабочки” [3, с. 39–40; 4, с. 214–216].

Таким образом, главной движущей силой “макросдвига” видится не спонтанная “духовная революция” и, тем более, не информационные технологии, а, во всяком случае, на первых этапах “желание существовать” — базовый и вполне эгоистический инстинкт самосохранения, вынуждающий адаптироваться к новым условиям и изменить стратегию поведения. Новое интегральное видение мира и новый тип социальных от-

ношений, основанный на взаимовключенности индивидов, их ощущении себя частью целого и способности воспринимать мир глазами “других”, будет вырабатываться разными путями: отчасти полусознательно, методом проб и ошибок, отчасти через “обучение интегральности”, которое позволит человеку “овладеть” своим эгоизмом и правильно его применять, надстраивая над ним альтруизм. Свою роль сыграет и привыкание к новой модели поведения, конформизм, использование аппарата самоконтроля и самопринуждения (Н. Элиас) и т.д. В результате должен появиться новый тип человека, который сумеет перейти от “Я”-идентичности (индивидуализм) и “Мы”-идентичности (коллективизм) к идентичности интегральной, определяемой следующей формулой: “я — это все”, или “все — это один” [4, с. 220–222; 3, с. 147, 149].

Параллельно с ростом интегральных отношений будет формироваться и расширяться особое социальное пространство, в котором традиционные механизмы конкуренции, взаимного прессинга и “взаимного потребления”, договорной согласованности будут утрачивать эффективность, постепенно уступая место взаимодополняемости и взаимной ответственности.

Существуют ли какие-либо реальные основания у выдвинутой М. Лайтманом идеи? Интегральные отношения, действительно, возникают спонтанно в сфере межличностных взаимодействий, и этот экстраординарный феномен уже неоднократно привлекал внимание исследователей. Здесь уместно вспомнить В.В. Налимова, который начал разрабатывать концепцию гиперличности — единой психической структуры, локализованной в двух, нескольких или многих телах и возникающей в том случае, когда индивиды в процессе общения “размыкаются” и как бы проникают в другого или других [9, с. 244, 259–261, 265]. Российский философ Ю.М. Резник называет это явление “интериндивидной трансперсональностью”, или “бытием-через-других”: “сложное переплетение и взаимопроникновение индивидуальных сущностей” порождает некую специфическую глубинную связь между ними, благодаря которой они, не теряя свои индивидуальные черты, в определенной ситуации выступают как целостность иного порядка, чем просто социальная группа [11, с. 38–39].

Довольно часто в современной литературе встречается термин “потокное состояние”. Такое состояние, связанное с взаимной “настройкой” индивидов друг на друга, взаимной эмпатией, синхронизацией действий и психических состояний, дает эффект так называемой “групповой магии”: границы “Я” исчезают или становятся проницаемыми и весь коллектив думает, чувствует и функционирует как одно целое, одно существо. При этом индивидуальность не стирается, как это обычно происходит в толпе, а, напротив, получает возможность полностью реализовать свой потенциал, являясь главным ресурсом коллектива-организма [14, р. 10–11].

Таким образом, интегральность можно определить как одну из моделей отношений между индивидами, статистически редкую, возникающую спонтанно и лишь на определенное время. В целом эта модель, как отмечают практически все исследователи, с трудом поддается рефлексии, ускользает от анализа, а главное — на сегодняшний день явно существует лишь в эмбриональной форме и не может конкурировать с другими, более традиционными моделями. Поэтому вряд ли можно с уверенностью сказать, какую роль интегральные отношения будут играть в социальном пространстве в ближайшем будущем.

Итак, со второй половины XX века идея человечества-организма претерпела поистине кардинальные трансформации: процесс ее “секуляризации” сопровождался формированием нового теоретического фундамента, основу которого составили некоторые важнейшие положения глобального эволюционизма, теории систем, социологии и эволюционной биологии, и, соответственно, постепенным преодолением ее маргинальности и проникновением в сферу науки. В результате появился вполне оформленный проект будущего, который в настоящее время представлен двумя направлениями: в первом единство достигается, главным образом, за счет интеграции человечества с электронным разумом всемирной паутины; во втором (концепция М. Лайтмана), отличающемся большей “человеко-размерностью”, акцент сделан на принципиально новой, интегральной модели человеческих взаимоотношений и возникновении нового, адекватного ей социального пространства, напоминающего о геймшрифте Ф. Тенниса.

Разумеется, оба варианта, отнюдь не утратившие сходства с неомифом, нуждаются в тщательной разработке, поскольку в этих идеально-типических конструкциях остается много лакун. Это касается, в частности, организационной структуры нового общества, конкретизации способов преодоления цивилизационного кризиса, проблемы “пространства” свободы индивидов — сопоставление их с “клетками” заставляет опасаться, не будут ли функции этих “клеток” предопределены заранее, не оставляя возможности для выбора и творческой самореализации. Тем не менее проект человечества-суперорганизма уже занял определенное место в современной футурологической мысли и, возможно, в дальнейшем будет успешно конкурировать с другими проектами. Ведь процесс его становления явно не завершен.

Литература

1. Гусейнов А.А. Идеи универсализма и самобытности (о возможности глобального этоса) // Наука и религия. Междисциплинарный и кросс-культурный диалог. М.: Канон+, 2006. С. 26–41.
2. Дэвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008.

3. *Лайтман М.* Новая жизнь. М.: НФ “ИПИ”, 2012.
4. *Лайтман М., Хачатурян В.М.* Перспективы XXI века: рождение интегрального мира. М.: ЛЕНАНД, 2013.
5. *Липовецки Ж.* Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001.
6. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб., 2004.
7. *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга: становление человека читающего. М.: Академический Проект, 2005.
8. *Моисеев Н.Н.* Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: Языки русской культуры, 2000. URL: http://thelib.ru/books/moiseev_n_n/sudba_civilizacii_put_gazuma-re
9. *Налимов В.В.* Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. Изд. 3-е. М.: Академический Проект; Парадигма, 2011.
10. *Прилуцкий Е.* Глобальные коммуникации и сознание. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_buks/Philos/Article/pril_globcom.php
11. *Резник Ю.М.* Человек и его пограничье: между экзистенцией и трансценденцией // Вопросы социальной теории. Альманах-ежегодник. Т. VI. М.: ИФ РАН, 2012. С. 25–45.
12. *Турчин В.Ф.* Феномен науки. Кибернетический подход к эволюции. Изд. 2-е. М.: Словарное изд-во ЭТС, 2000. URL: <http://refal.net/turchin/phenomenon/chapter14.htm>
13. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. Вселенская месса. М.: Айрис-пресс, 2002.
14. *Atlee T.* Co-intelligence, Collective Intelligence, and Conscious Evolution // Collective Intelligence: Creating a Prosperous World at Peace / Earth Intelligence Network / Ed. By M. Tovey, Oakton, Virginia, 2008. P. 5–14.
15. *Boyd R., Richerson P.* Norms and Bounded Rationality // The Adaptive Tool Box / Gigerenzer G., Selten R., eds. Cambridge, Mass: MIT Press, 2001. P. 281–296.
16. *Drury N.* The New Age: Searching for Spiritual Self. L.: Thames and Hudson, 2004.
17. *Ferguson M.* The Aquarian Conspiracy: Personal and Social Transformation in the 1980s. Los Angeles: Jeremy P. Tarcher Inc., 1980.
18. Global Brain Institute. URL: <http://sites.google.com/site/gbialternative1/>
19. Global Consciousness Project. URL: <http://noosphere.princeton.edu>
20. *Hanegraaf W.* New Age Religion and Western Culture: Esotericism in the Mirror of Secular Thought. Boston, Mass.: Brill Academic Publishers, 1996.
21. *Heylighen F.* Conceptions of a Global Brain: An Historical Review // Evolution: Cosmic, Biological, and Social / Grinin L., Carneiro R., etc. ed. Volgograd: Uchitel Publishing. P. 274–289.
22. *Heylighen F.* The Global Superorganism: An Evolutionary-cybernetic Model of the Emerging Network Society // Social Evolution and History. 2007. Vol. 6. No. 1. P. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129541/>
23. *Heylighen F., Campbell D.* Selection of Organization at the Social Level: Obstacles and Facilitators of Metasystem Transitions // World Futures: The Journal of General Evolution. 1995. No. 45. P. 181–212.
24. *Korten D.* The Great Turning: From Empire to Earth Community. Berrett-Koehler/Kumarian Press, 2006.
25. *Levy P.* Collective Intelligence: Mankind’s Emerging World in Cyberspace. N.Y.: Plenum, 1997.
26. *McLuhan M.* Understanding Media: The Extensions of Man: Critical Edition. URL: <http://www.conceptlab.com/notes/mcluhan-unerstanding-media.html>
27. *Rosnay J. de.* The Symbiotic Man. N.Y.: McGraw-Hill, 2000.